

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ЛИЦЕЙ: ПАРАДИГМА НОВОЙ КАЛОКАГАТИИ*

Статья посвящена проблеме построения парадигмы новой калокагатии в системе педагогических экспериментов XVIII – начала XIX вв. В центре авторского внимания оказывается Царскосельский Лицей как уникальный образовательный проект, аккумулировавший в себе духовный потенциал нравственных и эстетических исканий в области формирования нового образа государственного человека как носителя калокагатийного идеала. Феномен Царскосельского Лицея рассматривается как структурный элемент российского «эллинистического проекта», определяющего систему аксиологических констант имперских преобразований. В данном контексте образ А.С. Пушкина, в единстве его биографического и литературного текстов, осмысливается как конкретная культурно-историческая реализация калокагатийного идеала, ставшего концептуальным основанием феномена российского эллинизма XIX века.

Ключевые слова:

калокагатия, классицизм, Лицей, эллинизм, эстетический канон.

Игнатьев Д.Ю. Царскосельский Лицей: парадигма новой калокагатии // Общество. Среда. Развитие. – 2017, № 3. – С.63–66.

© Игнатьев Денис Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: denisignatyev@yandex.ru

Созидание образа «нового человека» является одним из основных мотивов духовных устремлений российского образованного общества XVIII – начала XIX веков. Нравственные и эстетические искания эпохи приводили к появлению многочисленных педагогических экспериментов, пытавшихся соединить в образе человека различные добродетели «плоти и духа». Основание Царскосельского лицея можно условно считать своеобразной демаркационной линией, проведенной между тотальностью «исправления нравов» XVIII века и дифференциации педагогических идеалов внутри сложной образовательной системы, формируемой в течение XIX столетия. В качестве телеологического завершения напряженной культурной работы, совершавшейся в эпоху от начала правления императора Петра I до завершения царствования императора Александра I, можно рассматривать построение парадигмы новой калокагатии, т. е. создание идеального образа «нового человека» в обновленном государстве.

Калокагатийный идеал воспитательных проектов XVIII века имеет конкретную культурно-историческую выразительность в образе гражданина империи, подобно тому, как в античной Греции калокагатийный идеал воплощался в образе гражданина полиса. Это принципиальным образом отличает отвлеченные

построения моральной философии, от реальности и действенности данного идеала в конкретном социокультурном контексте.

Разумеется, само отнесение античного термина «калокагатия» к совершенно иной по отношению к греческой античности культуре заведомо неверно, однако значение имеет само обращение к принципу совершенства как гармонии стихийных начал, реализующейся в тождественности двух противоположностей, при всем многообразии культурно обусловленной терминологии, понимаемых как начало материальное и начало духовное. Обращение к античному концепту калокагатии применительно к эпохе Нового времени, унаследовавшей от христианского мировоззрения принципиальный дуализм внешнего и внутреннего, красивого и добродетельного, душевного и телесного, получает некоторое оправдание при рассмотрении формирования основных аксиологических установок как составляющих масштабный проект «русского эллинизма».

Секулярный характер эпохи Просвещения обнаруживает себя в преодолении средневековой антиномии плоти и духа, восстанавливая телесность в ее правах и утверждая необходимость гармоничного развития умственных, нравственных и физических сил человека. В этом проявляется «аполлинизм» эпохи, являющий идеал преображенного человека в оплот-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 17-03-00846 «Идеи европейского классического образования и стратегии современного российского университета».

64 | ненной форме материального мира и в средоточенности на выразительных совершенствах.

Воспитание хороших манер в Царско-сельском Лицее является уже не только формированием норм поведения, но обучение искусству жить, которое есть истинная философия. Знания не ради знаний (академизм), не ради эрудиции (салонная светская культура), не ради узкого служебного прагматизма, а ради преображения человека, посвящаемого государству – это и есть воспитание, т.е. формирование такого образа, который на природном основании создается и формируется в гармоническом единстве всех жизненных сил человека. Цель подобным образом организованного образования состоит не в подготовке к выполнению определенных операций в системе государственной машины, что характеризует специфический характер чиновничества, а соединение личного блага с благом государства и общества, точнее – их предельная неразторжимость.

Исключительная роль Царскосельского Лицея в череде педагогических экспериментов, включенных в более широкий контекст государственных преобразовательных проектов, определяется не особенностью его воспитательных деклараций и образовательных целей, находящихся свои аналоги в учредительных документах подобных ему учебных заведений, а в том калокагатийном присутствии, охарактеризовавшем феномен пушкинского творчества.

Попытка обретения единства душевных и телесных сил, светской образованности и православной духовности, личной свободы и государственной преданности вообще характерны для Золотого века русской культуры. Отличительной чертой Пушкина в этом отношении является то, что все его творчество и жизнестворчество проистекают из единого источника гармонии «разного рода движений, физических и психических» [3, с. 540], а не являются результатом волевого синтеза этических и эстетических начал. В этом отношении верным представляется рассмотрение пушкинского мира через принципиально античное единство противоположных аполлоновского и дионисийского начал, а не через отвлеченное равновесие статичных форм, характерное для различных модальностей лже- и неоклассицизмов. Подобно тому, как для понимания фундаментальных оснований античного космоса необходима личность Ницше, способная

различить за аполлоновской умеренностью дионисийское неистовство эллинов, так для постижения пушкинского текста необходима глубокая пронизательность поэта, слышащая за «в ушах лицеиста застрявшей латынью» стихии, которые «нигде никогда так не выговаривались» [7, с. 837].

Феномен Пушкина может быть назван торжеством русского эллинизма, поскольку именно Пушкину удалось максимально воплотить в своем творчестве потенции эллинистической природы русского языка: «Эллинистическую природу русского языка можно отождествлять с его бытийственностью. Слово в эллинистическом понимании есть плоть деятельная, разрешающаяся в событие» [4, с. 220]. Гармоническая равновесность его поэтики оказывается чрезвычайно трудной для восприятия, поскольку отсутствие явных тектонических сдвигов между аксиологическими и семантическими пластами текста предельно затрудняет продуцирование смыслов воспринимающим субъектом. Тожество содержания и формы, явленное в воплощенном калокагатийном идеале, провоцирует скорее безмолвное созерцание, нежели активное читательское сотворчество, основанное на принципе заполнения лакун и достраивания смещенных структур текста. Феномен Пушкина в единстве его биографического и литературного текста оказывается замкнутым на себя, самоподобным. Постепенное, но неумолимое отливание звучащего пушкинского слова в тексты хрестоматий, которые по мысли Виктора Шкловского узнаются, но не видятся, объясняется не только универсальными принципами бытования литературного текста, постепенно утрачивающего свою способность быть воспринятым в полноте своей выразительности, но и неустранимой сопряженностью пушкинской поэтики с наполняющим ее аполлоновским светом. Эта светозарность Пушкина создает мнимое ощущения предельной простоты и ясности, убеждающее читателя не слишком напрягать свое зрение при полуденном свете. Совершенство пушкинского стиха, понимаемое как его максимальная завершенность по имманентным этому стиху законам, может быть уподоблена феномену классической скульптуры, максимально явленной зрительскому взору, но слишком гармоничной и понятной, чтобы пробудить стремление к достраивающему восприятию. Если справедлива формалистская теория «остранения», объясняющая при-

роду поэтического слова, а значит и всего мира искусств, его стремлением «вернуть человеку мир», то в подобном острашении второго порядка нуждается и само поэтическое слово. Не случайно, что именно пушкинский текст оказывается центральным предметом подобных литературных экспериментов, стремящихся к своеобразному размыканию пушкинской гармонии, лишая ее гармонического стасиса, исключаяющего активное соучастие читателя. «Воскрешение» пушкинского стиха здесь осуществляется через разрушение калокагатийного образа самого Пушкина. Таковы, например, анекдоты, авторство которых приписывается Даниилу Хармсу, таково сочинение Абрама Терца, всколыхнувшее общественность своей крамольной попыткой покушения на полноту пушкинских совершенств. Калокагатийный образ Пушкина поглощает напряженность его стиха, поэтому ощущение трагического присутствия в его тексте нуждается в деконструкции завершенного пушкинского образа, т. е. в его своеобразном обезображивании. Общим местом в этой практике становится прорисовка негроидности Пушкина: «Пушкин был негр. У Пушкина были бакенбарды (NB! Только у негров и у старых генералов), у Пушкина были волосы вверх и губы наружу, и черные, с синими белками, как у щенка, глаза, – черные вопреки явной светлоглазости его многочисленных портретов [8, с. 1126]», – таким предстает поэт в детском восприятии Марины Цветаевой, знающей во взрослом возрасте, что он был «светловолос и светлоглаз». Расподобление субъекта биографии и Автора, применительно к Пушкину, является не общим принципом постмодернистского подхода к восприятию текста, но имманентным самому пушкинскому феномену требованием существования принципиальной асимметрии между формой и содержанием, продуцирующей новые динамические смыслы в процессе читательской рецепции. В этом отношении Пушкин оказывается одним из сложнейших для восприятия авторов русской литературы. Читателю, знакомому с модернистскими и постмодернистскими текстами, «срединная стиховая культура 19 века» [6, с. 640], наиболее приближенная к воплощению калокагатийного идеала соразмерности, оказывается более чужой, нежели «геологические сдвиги» [6, с. 640] в литературе XVIII или даже XVII веков, ставших предметом поэтических исканий русского авангарда:

«Хлебников сродни Ломоносову. Маяковский сродни Державину» [6, с. 640].

Чести Пушкина в значительной мере принадлежит создание эстетического образа «золотого века» русской дворянской культуры, ставшего силу своей завершенности более бытийным, нежели эмпирическая реальность, послужившая поводом для появления литературного текста, из которого современные ему и последующие поколения вычитывали реалии собственного быта и конструировали собственную идентичность. Предельная онтологичность пушкинского слова во многом обусловлена минимальными зазорами между его биографией и его текстами: «лирика стала у Пушкина как бы средством овладения действительностью в ее конкретных чертах» [5, с. 454]. Жизнь и творчество Пушкина обладают удивительным единством, поскольку вырастают из единого калокагатийного мировосприятия. В этом отношении Пушкин является своеобразным полюсом в рассмотрении присущих эпохе отношений между жизнью и искусством. Любые попытки отнесения периодов его творчества к классицизму, романтизму или реализму весьма условны, поскольку сама граница между его творчеством и жизнетворчеством не размыта, а принципиально не оформлена в силу его действительно эллинского мироощущения, в котором центральное место занимает глубокое переживание калокагатийности мироздания «как совершенства, полной и ощутимой, понятной самоцели» [3, с. 495].

Присутствие калокагатийного идеала, утверждающего единство эстетического и этического канонов, свидетельствует о состоянии «цветущей сложности» культуры. Распад этого идеала будет обнаруживать себя в антиэстетизме «нравственных» и социальных направлений русской литературы, в утонченном имморализме декаданса и т. д. Внутренняя свобода духа, обусловленная эстетическим принципом, определяет модели поступания в ситуации этического выбора [1, с. 28; 2, с. 67]. В основании этого принципа лежит ощущение полноты жизненных сил, находящихся в вечном становлении и направляющих человека в его поступках через эстетическое чувство единства противоречий, что осуществляет глубинную интериоризацию этических максим, трансформируя их в невербализуемый эстетический канон. Многочисленные этические декларации, которыми была столь богата эпоха российского Просвещения,

66 | в феномене Пушкина обретают свою реализацию в той онтологической укорененности прекрасного как блага, по самой природе своей единого с добродетельным. Глубинный эстетический принцип жизнотворчества Пушкина, являющийся реализацией гармонического единства духа и плоти, формы и содержания, противоположен эстетским настроениям эпохи, утверждающим своеобразную «эмансипацию форму», т. е. работающим на созидание начал культуры модерна.

Этой своей поистине эллинской гармонией Пушкин обеспечивает себе прочное положение классика, т. е. автора зрелого восприятия.

Сложное единство нравственных, эстетических, физических и общественных начал жизни «Золотого века» русской дворянской культуры нашло свое воплощение в биографическом и литературном тексте Пушкина как парадоксальной реализации образовательного идеала Царскосельского Лицея.

Список литературы:

- [1] Летагин Л.Н. «Человек поступающий»: опыт эстетической аналитики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Т. 4. – 2004, № 7. – С. 25–33.
- [2] Летагин Л.Н., Шоломова Т.В. Эстетическая легитимация социального действия // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2016, № 3 (28). – С. 66–69.
- [3] Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2 кн. Кн. 2. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 688 с.
- [4] Манделштам О.Э. О природе слова // Манделштам О.Э. Собр. Соч. В 4 т. Т. I: Стихотворения. Проза. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1999. – 377 с.
- [5] Тынянов Ю.Н. Безымянная любовь // Литературный критик. – 1939, № 5–6. – С. 151–173.
- [6] Тынянов Ю.Н. Промежуток // Формальный метод: Антология русского модернизма. Т. 1: Системы / Под ред. А.С. Ушакина. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2016. – 960 с.
- [7] Цветаева М.И. Искусство при свете совести // Цветаева М.И. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2014. – 1214 с.
- [8] Цветаева М.И. Мой Пушкин // Цветаева М. И. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2014. – 1214 с.